Трансформация подходов к обеспечению пограничной безопасности в Центральной Азии в условиях новой геополической реальности

Аманбаева Дина
аспирант, кафедра сравнительной политологии, РУДН им. П. Лумумбы, amanbaeva_d@pfur.ru

В статье рассматривается комплекс геополитических и правовых аспектов обеспечения пограничной безопасности в Центрально-Азиатском регионе в условиях трансформации системы международных отношений. На основе анализа стратегий Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Соединённых Штатов Америки и Европейского Союза исследуется феномен конкуренции юрисдикций и экстерриториального влияния на режимы охраны государственных границ постсоветских республик. Особое внимание уделяется эволюции подходов внерегиональных держав к афганскому фактору после смены власти в Кабуле в 2021 г., а также влиянию российско-украинского конфликта и санкционного противостояния на пограничную политику государств Центральной Азии. Автор анализирует динамику урегулирования кыргызско-таджикского приграничного конфликта 2021–2022 гг. как индикатор изменения приоритетов региональной безопасности. Обосновывается вывод о том, что «проблема границы» в Центральной Азии окончательно трансформировалась из вопроса суверенного размежевания в многомерную задачу балансирования между обеспечением национальной безопасности, управлением трансграничными вызовами и адаптацией к новым геоэкономическим реалиям Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, пограничная безопасность, геополитическая конкуренция, Шанхайская организация сотрудничества, ОДКБ, кыргызско-таджикский конфликт, афганский транзит, санкционное давление, управление границами, экстерриториальная юрисдикция.

Введение

Центральная Азия, являвшаяся в XIX столетии ареной «Большой игры» между Британской и Российской империями, сохраняет стратегическое значение в условиях формирования новой архитектуры международных отношений [14].

С начала 1990-х гг., после распада Советского Союза и образования пяти суверенных республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), регион вновь оказался в фокусе геополитической конкуренции [1]. Конфигурация участников данного процесса претерпела изменения, однако неизменным остаётся устойчивое присутствие Российской Федерации, что свидетельствует об исключительной важности этого пространства для обеспечения её национальных интересов и безопасности.

Специфика геополитического положения государств Центральной Азии определяется их внутриконтинентальным транзитным статусом и значительными запасами природных ресурсов, что привлекает широкий спектр внешних акторов. В настоящей работе предпринята попытка комплексного анализа влияния четырёх ключевых глобальных игроков – Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Соединённых Штатов Америки и Европейского Союза – на формирование правовых режимов государственной границы и обеспечение пограничной безопасности в Центрально-Азиатском регионе.

Институциональная архитектура пограничного сотрудничества в постсоветский период

После распада СССР новые независимые государства стали объектом пристального внимания со стороны международных организаций и внерегиональных держав. Были установлены двусторонние дипломатические отношения, а также инициированы многосторонние форматы взаимодействия. Россия выступила инициатором создания ряда интеграционных структур на постсоветском пространстве, включая Содружество Независимых Государств (СНГ), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также стала соучредителем Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) совместно с КНР. Европейский Союз, в свою очередь, задействовал инструментарий Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и специализированные инициативы, такие как Программа по управлению границами в Центральной Азии (БОМКА) и проекты по противодействию незаконному обороту наркотиков. Параллельно в регионе активизировалась деятельность структур ООН, Интерпола и международных финансовых институтов.

Динамика стратегических интересов и зоны кооперации глобальных игроков

Стратегические интересы США, России и Китая в регионе характеризуются сложным переплетением кооперативных и антагонистических векторов [2]. К числу общих интересов следует отнести противодействие международному терроризму, религиозному экстремизму и наркотрафику. Однако конкурентная борьба за лидирующие позиции в энергетической и логистической сферах, а также стремление не допустить монопольного влияния кого-либо из оппонентов обусловливают фрагментарный характер сотрудничества. Существенным фактором, дифференцирующим положение РФ и КНР по сравнению с ЕС

и США, является наличие у них общих сухопутных границ с республиками региона: Россия граничит с Казахстаном, Китай – с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном [9]. Данное обстоятельство обусловливает не только географическую близость, но и прямую уязвимость национальной безопасности России и Китая от дестабилизации обстановки в Центральной Азии.

Трансформация афганского вектора угроз (после 2021 г.)

Основной массив трансграничных рисков традиционно был сосредоточен на границе Центральной Азии с Афганистаном [8]. После прихода движения «Талибан» к власти в августе 2021 г. характер угроз изменился: акцент сместился с борьбы с наркотрафиком на предотвращение гуманитарного кризиса, контроль беженцев и недопущение экспорта нестабильности. Посевы опийного мака в Афганистане резко сократились, однако сохраняется активность террористических группировок, включая «ИГИЛ-Хорасан» [13]. Страны региона (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан) выстраивают прагматичные отношения с талибами, а внешняя помощь дополняется проектами по приёму беженцев, обустройству санитарно-карантинных пунктов и мониторингу трансграничных водных ресурсов [12]. Таким образом, афганский фактор остаётся ключевым, но инструменты реагирования существенно обновились.

Пограничная политика США: экстерриториальный подход и программы безопасности

С момента установления дипломатических отношений с республиками Центральной Азии США последовательно наращивают присутствие в регионе, используя финансовую и техническую помощь для продвижения своих интересов. Несмотря на географическую удалённость, США активно участвуют в модернизации пограничной инфраструктуры, причём их стратегия носит экстерриториальный характер: основной упор делается на проекты на границах с Афганистаном и противодействие распространению оружия массового уничтожения.

Активность США в данной сфере значительно возросла после событий 11 сентября 2001 г., когда военное присутствие в Афганистане потребовало обеспечения надёжного тылового прикрытия и логистической поддержки со стороны соседних республик. Американская помощь реализуется по каналам различных ведомств: Государственный департамент через программу экспортного контроля и безопасности границ (EXBS) осуществляет поставки оборудования; Министерство обороны участвует в подготовке специализированных подразделений для действий в труднодоступных районах; Агентство США по международному развитию (USAID) финансирует программы реформирования таможенных служб и обучения персонала; Министерство юстиции оказывает содействие в борьбе с наркоугрозой.

Важное место в данной стратегии занимают такие инициативы, как программа «Противодействие незаконному пересечению границы при помощи средств авиации» (Airborne Interdiction Program, AIP), основной целью которой является блокирование каналов контрабанды оружия массового уничтожения и наркотиков. После частичного вывода войск в 2014 г. США безвозмездно передали силовым структурам Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана бронетехнику и средства связи. После полного вывода войск в 2021 г. масштабы помощи сократились, уступив место адресным программам. США остаются крупнейшим донором Международной организации по миграции (МОМ), внедряющей современные системы управления границами. Вместе с тем эксперты отмечают, что преимущественно двусторонний характер американской помощи в сфере безопасности границ нередко снижает эффективность многосторонних механизмов ОБСЕ, а результативность поставок высокотехнологичного оборудования ограничивается институциональными барьерами и недостаточной межведомственной координацией в правоохранительных структурах республик [3].

Российская стратегия: военно-техническая помощь и роль ОДКБ

Политико-правовые отношения России с Центральной Азией имеют глубокие исторические корни и характеризуются высокой степенью взаимной интеграции. После непродолжительного периода некоторого дистанцирования в 1990-е гг., с начала 2000-х гг. Российская Федерация активизировала политику возвращения в регион в качестве одного из ведущих игроков. Ключевыми детерминантами такой стратегии являются: обеспечение безопасности собственных южных границ, защита прав русскоязычного населения, сохранение влияния на добычу и транспортировку углеводородов, а также стремление не допустить превращения региона в плацдарм для сил, угрожающих национальной безопасности Российской Федерации на южном стратегическом направлении.

Утрата влияния в Центральной Азии означала бы для России существенное понижение геополитического статуса, что неприемлемо с точки зрения национальной безопасности. В связи с этим российская помощь республикам носит преимущественно военно-технический характер и направлена на укрепление обороноспособности лояльных режимов. Знаковым элементом военного присутствия остаётся дислокация 201-й российской военной базы на территории Таджикистана, выполняющей роль гаранта стабильности на южных подступах к СНГ. Россия финансирует программы модернизации вооружённых сил Кыргызстана и Таджикистана, рассматривая эти государства в качестве буферной зоны, принимающей на себя первый удар наркотрафика и экстремистской инфильтрации.

В институциональном плане Москва делает ставку на ОДКБ, которая позиционируется как механизм коллективной обороны. Долгое время эффективность этой организации в разрешении пограничных и внутрирегиональных конфликтов подвергалась сомнению. Однако события января 2022 г. в Казахстане, когда по запросу президента К.-Ж. Токаева контингент ОДКБ был оперативно развёрнут для стабилизации обстановки и охраны стратегических объектов, продемонстрировали, что организация способна выполнять функцию быстрого реагирования на кризисные ситуации, угрожающие безопасности государств-членов. Хотя мандат миссии не предполагал прямого участия в обеспечении пограничного контроля, само присутствие сил ОДКБ позволило высвободить казахстанские пограничные и силовые структуры для укрепления рубежей в условиях массовых беспорядков. Этот прецедент существенно изменил восприятие ОДКБ как внутри региона, так и за его пределами, укрепив субъектность организации в системе региональной безопасности.

Влияние российско-украинского конфликта: санкции, параллельный импорт и новая нагрузка на границы

Новым фактором, оказавшим глубокое влияние на пограничную политику в Центральной Азии, стал российско-украинский конфликт и последовавшее за ним масштабное санкционное давление на Российскую Федерацию со стороны стран Запада. В этих условиях центральноазиатские республики оказались перед необходимостью балансирования между сохранением экономических связей с Россией (включая трудовую миграцию и торговлю) и

риском вторичных санкций. Пограничный контроль на российско-казахстанском участке, а также в пунктах пропуска на маршрутах параллельного импорта приобрёл особую значимость. Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан вынуждены усиливать мониторинг товарных потоков, чтобы избежать обвинений в реэкспорте подсанкционной продукции, что, в свою очередь, требует модернизации таможенных и пограничных процедур. Кроме того, возросла нагрузка на границы, связанная с миграционными перемещениями граждан России и Украины. Всё это привело к тому, что вопросы пограничной безопасности стали неразрывно связаны с макроэкономической стабильностью и соблюдением международных обязательств государств региона.

Нормативно-правовой подход Европейского Союза: концепция «экспорта безопасности границ» (программа БОМКА)

Европейский Союз, в отличие от государств, делающих ставку на военную силу, продвигает в Центральной Азии нормативно-правовую концепцию «открытой, но безопасной границы» [5]. Основной целью Брюсселя является недопущение проникновения на территорию ЕС потоков нелегальной миграции, контрабанды и радикальных элементов путём создания устойчивых барьеров, и фильтрационных механизмов на дальних подступах к границам Союза.

Данная стратегия получила название «экспорта безопасности границ» и реализуется преимущественно через флагманскую программу БОМКА (Программа по управлению границами в Центральной Азии). В основе методологии БОМКА лежит концепция Интегрированного управления границами (IBM), предполагающая тесную координацию действий таможенных и миграционных органов, пограничной полиции и военных как на национальном уровне, так и в трансграничном формате. Программа охватывает порядка двадцати ключевых пунктов пропуска, расположенных преимущественно в зонах наиболее интенсивного трафика в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. ЕС стремится не только технически переоснастить границы, но и реформировать институциональную среду, способствуя легализации торговли и упрощению процедур пересечения границы для добросовестных участников экономической деятельности.

Несмотря на заявленную приверженность продвижению демократических ценностей и прав человека, эффективность политики ЕС наталкивается на специфику политических систем государств региона, характеризующихся высокой степенью централизации власти и сохранением неформальных институтов регулирования. В своём стратегическом видении (обновлённая стратегия 2019 г.) ЕС признаёт, что слабость регионального сотрудничества между самими республиками, усугубляемая неурегулированными пограничными и водно-энергетическими спорами, остаётся главным препятствием для стабильности [10]. После смены власти в Узбекистане Брюссель отмечает появление новых возможностей для активизации диалога и улучшения трансграничных связей. К настоящему времени в рамках БОМКА и смежных программ прошли обучение свыше 2 600 сотрудников профильных ведомств региона [4].

Стратегия КНР: принцип невмешательства, экономические инвестиции и военное присутствие в Таджикистане

Подход Китая к проблемам границ в Центральной Азии кардинально отличается от подходов других глобальных акторов. КНР придерживается принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств и воздерживается от прямого участия в урегулировании пограничных споров между республиками.

Китай является одним из двух глобальных игроков (наряду с Россией), имеющих сухопутные границы с центральноазиатскими республиками. При этом КНР граничит с тремя из них – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что порождает высокую степень взаимной уязвимости [11]. Пекин крайне обеспокоен перспективой «эффекта домино» – распространения исламистского экстремизма и сепаратистских настроений из Центральной Азии в Синьцзян. Опасения Китая подкрепляются исторической памятью о деятельности уйгурских группировок в Афганистане в 1990-е гг. и участием боевиков из Синьцзяна в сирийском конфликте. В ответ на эти вызовы Китай реализует двуединую стратегию: с одной стороны, массированные инвестиции в инфраструктуру и экономику республик для стабилизации социально-экономической обстановки и создания пояса добрососедства; с другой – наращивание военного сотрудничества и контроля над границами.

Беспрецедентным шагом стало усиление китайского присутствия в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана в непосредственной близости от Ваханского коридора [12]. Созданный там объект, используемый силовыми структурами КНР для мониторинга приграничной активности, по оценкам ряда экспертов, де-факто выполняет функции оперативной базы, призванной обеспечить контроль над таджикско-афганской границей с целью пресечения проникновения боевиков на территорию, граничащую с Китаем. В отличие от США и ЕС, Китай не ставит условием оказания помощи проведение демократических реформ, предпочитая сугубо прагматичный подход, основанный на двусторонних экономических сделках и военно-техническом сотрудничестве (подготовка кадров, поставка оборудования) [14]. Для Центральной Азии Китай выступает в роли не только источника инвестиций, но и противовеса влиянию России и Запада, что позволяет республикам проводить более гибкую многовекторную внешнюю политику.

Внутренние пограничные конфликты как новый вызов региональной безопасности (на примере Кыргызстана и Таджикистана)

На фоне внимания внешних игроков к южным рубежам региона внутренние пограничные споры долгое время оставались на периферии международной повестки. Наиболее остро эта проблема проявилась на кыргызско-таджикской границе, значительная часть которой не была делимитирована и демаркирована со времён распада СССР. Спорные участки в Ферганской долине и прилегающих горных районах неоднократно становились ареной вооружённых столкновений между местными общинами и пограничниками двух стран. Кульминацией стали события 28–30 апреля 2021 г. и 14–17 сентября 2022 г., когда конфликты переросли в полномасштабные боестолкновения с применением тяжёлой артиллерии и бронетехники, повлёкшие за собой сотни жертв и массовые перемещения гражданского населения [7].

Эти трагические события заставили руководство Кыргызстана и Таджикистана активизировать переговорный процесс по делимитации границы. При посредничестве России, а также при поддержке ООН и ОБСЕ сторонам удалось достичь ряда договорённостей об описании линии прохождения границы на отдельных участках. В 2023–2025 гг. работа двусторонних топографических групп интенсифицировалась, были подписаны протоколы о демаркации десятков километров границы, что позволило возобновить работу ранее закрытых пунктов пропуска и снизить напряжённость в приграничных сообществах [15]. Тем не менее, полное урегулирование остаётся делом бу-

дущего, поскольку камнем преткновения остаются вопросы вододеления и доступа к стратегическим объектам инфраструктуры.

Кыргызско-таджикский конфликт высветил важную тенденцию: в условиях, когда внимание глобальных игроков поглощено украинским кризисом и соперничеством великих держав, безопасность в Центральной Азии всё больше зависит от способности самих республик находить компромиссы и формировать действенные региональные механизмы урегулирования споров. Более того, данный конфликт продемонстрировал ограниченность возможностей ОДКБ в разрешении двусторонних противоречий между государствами-членами, поскольку оба участника входят в организацию, что создаёт институциональную коллизию при попытке применения коллективных механизмов. В этих условиях возрастает роль ШОС и неформальных посреднических усилий лидеров соседних государств (прежде всего Узбекистана и Казахстана).

Заключение

Анализ влияния глобальных акторов на пограничную политику государств Центральной Азии позволяет констатировать формирование уникального политико-правового феномена – «гибридного суверенитета» над границами. С одной стороны, республики de jure обладают всей полнотой полномочий по делимитации, демаркации и охране своих рубежей. С другой стороны, de facto они находятся в высокой степени зависимости от внешней финансовой, технической и институциональной помощи. Каждый из рассмотренных внешних игроков (США, РФ, ЕС, КНР) преследует собственные цели: если для Запада это создание фильтрационных барьеров против транснациональных угроз, то для России и Китая – обеспечение непосредственной безопасности собственных территорий и сохранение сфер влияния.

Основной проблемой остаётся асимметричность оказываемой помощи. Подавляющее большинство ресурсов традиционно направлялось на укрепление внешних рубежей Центральной Азии, прежде всего границы с Афганистаном. Однако уроки кыргызско-таджикского конфликта и изменения афганского ландшафта после 2021 г. диктуют необходимость пересмотра приоритетов. Неурегулированные территориальные споры внутри региона, порождающие этническую напряжённость и вооружённые инциденты, требуют не меньшего, а в ряде случаев и большего внимания со стороны глобальных доноров. Более того, конкуренция юрисдикций и стратегий (военно-политическая ОДКБ против нормативной БОМКА или экономической ШОС) приводит к фрагментации правового пространства пограничного контроля. Республики вынуждены лавировать между требованиями различных центров силы, что зачастую снижает эффективность внедряемых механизмов управления границами.

Дополнительным фактором усложнения ситуации стало санкционное противостояние России и Запада, превратившее границы Центральной Азии в арену не только борьбы с традиционными угрозами, но и в инструмент геоэкономического давления. В долгосрочной перспективе решение «проблемы границы» в Центральной Азии невозможно без перехода от внешнего патронажа к формированию дееспособной системы региональной коллективной безопасности, основанной на согласованных национальных интересах самих центральноазиатских государств. Важными шагами в этом направлении могли бы стать институционализация регулярных консультативных встреч глав пограничных ведомств пяти республик, создание совместных центров мониторинга трансграничных угроз и гармонизация национальных законодательств в сфере пограничного контроля.

Литература

1. Искакова Г.К. Региональная безопасность в Центральной Азии и стратегии России, США и Китая // PolitBook. – 2014. – № 4. – С. 8–51.

2. Синь Л. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2012. – № 3. – С. 60–74.

3. Ceccarelli A. Clans, politics and organized crime in Central Asia // Trends in Organized Crime. – 2007. – Vol. 10, no. 3. – P. 19–36.

4. Efeğil E. Avrupa Birliği'nin Orta Asya politikasının analizi: proje bazlı yaklaşımdan stratejik işbirliği anlayışına geçiş // Akdeniz İİBF Dergisi. – 2008. – Vol. 8, no. 16. – P. 65–82.

5. Gavrilis G. Beyond the Border Management Programme for Central Asia (BOMCA) // CEPS Centre for European Policy Studies. – URL: https://www.ceeol.com/search/gray-literature-detail?id=830851 (дата обращения: 20.04.2026).

6. Gavrilis G. Central Asia's Border Woes and the Impact of International Assistance // Open Society Central Eurasia Project. – 2012. – URL: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/ec95218f-f90c-4025-ab74-09271ef61114/OPS-No-6-20120601.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

7. International Crisis Group. The Kyrgyz-Tajik Border: From Conflict to Cooperation? // Asia Report № 305. – Brussels : ICG, 2024.

8. Jackson N.J. The trafficking of narcotics, arms and humans in post-Soviet Central Asia: (Mis)perceptions, policies and realities // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24, no. 1. – P. 39–52.

9. Kamalov İ. Rusya'nın Orta Asya Politikaları. – Ankara : Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2011.

10. Russell M. The EU's new Central Asia strategy // EPRS European Parliamentary Research Service. – 2019. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

11. Shichor Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6, no. 2. – P. 55–73.

12. Umarov T. China Looms Large in Central Asia // Carnegie Moscow Center. – 2020. – URL: https://carnegie.ru/commentary/81402 (дата обращения: 20.04.2026).

13. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2023. – Vienna : United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.

14. Walsh J.R. China and the new geopolitics of Central Asia // Asian Survey. – 1993. – Vol. 33, no. 3. – P. 272–284.

15. Аналитический доклад о пограничных конфликтах в Центральной Азии / Центр евроазиатских исследований МГИМО. – Москва : МГИМО-Университет, 2024.

Transforming approaches to border security in Central Asia in the context of a new geopolitical reality

Amanbaeva D.

RUDN named after. P. Lumumba

The article examines the complex of geopolitical and legal issues associated with ensuring border security in the Central Asian region against the backdrop of the transformation of the international system. Drawing on an analysis of the strategies of the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States of America, and the European Union, the phenomenon of jurisdictional competition and extraterritorial influence on border protection regimes in post-Soviet republics is explored. Special attention is devoted to the evolution of extra-regional powers' approaches to the Afghan factor following the change of power in Kabul in 2021, as well as the impact of the Russia–Ukraine conflict and sanctions confrontation on the border policies of Central Asian states. The author analyzes the

dynamics of the settlement of the Kyrgyz–Tajik border conflict of 2021–2022 as an indicator of shifting regional security priorities. The study concludes that the “border problem” in Central Asia has definitively transformed from a matter of sovereign demarcation into a multidimensional challenge of balancing national security, managing transboundary threats, and adapting to the new geo-economic realities of Eurasia.
Keywords: Central Asia, border security, geopolitical competition, Shanghai Cooperation Organization, CSTO, Kyrgyz–Tajik conflict, Afghan transit, sanctions pressure, border management, extraterritorial jurisdiction.

References

1. Iskakova G.K. Regional’naya bezopasnost’ v Tsentral’noy Azii i strategii Rossii, SShA i Kitaya [Regional Security in Central Asia and the Strategies of Russia, the USA and China] // PolitBook. – 2014. – No. 4. – P. 8–51.
2. Sin’ L. Ekonomicheskiye interesy Rossii i Kitaya v Tsentral’noy Azii: sravnitel’nyy analiz [Economic Interests of Russia and China in Central Asia: A Comparative Analysis] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2012. – No. 3. – P. 60–74.
3. Ceccarelli A. Clans, politics and organized crime in Central Asia // Trends in Organized Crime. – 2007. – Vol. 10, no. 3. – P. 19–36.
4. Efeğil E. Avrupa Birliği’nin Orta Asya politikasının analizi: proje bazlı yaklaşımdan stratejik işbirliği anlayışına geçiş // Akdeniz İİBF Dergisi. – 2008. – Vol. 8, no. 16. – P. 65–82.
5. Gavrilis G. Beyond the Border Management Programme for Central Asia (BOMCA) // CEPS Centre for European Policy Studies. – Available at: https://www.ceeol.com/search/gray-literature-detail?id=830851 (accessed: 20.04.2026).
6. Gavrilis G. Central Asia’s Border Woes and the Impact of International Assistance // Open Society Central Eurasia Project. – 2012. – Available at: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/ec95218f-f90c-4025-ab74-09271ef61114/OPS-No-6-20120601.pdf (accessed: 20.04.2026).
7. International Crisis Group. The Kyrgyz-Tajik Border: From Conflict to Cooperation? // Asia Report No. 305. – Brussels: ICG, 2024.
8. Jackson N.J. The trafficking of narcotics, arms and humans in post-Soviet Central Asia: (Mis)perceptions, policies and realities // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24, no. 1. – P. 39–52.
9. Kamalov İ. Rusya’nın Orta Asya Politikaları. – Ankara: Hoca Ahmet Yesevi Uluslararası Türk-Kazak Üniversitesi, 2011.
10. Russell M. The EU’s new Central Asia strategy // EPRS European Parliamentary Research Service. – 2019. – Available at: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633162/EPRS_BRI(2019)633162_EN.pdf (accessed: 20.04.2026).
11. Shichor Y. China’s Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6, no. 2. – P. 55–73.
12. Umarov T. China Looms Large in Central Asia // Carnegie Moscow Center. – 2020. – Available at: https://carnegie.ru/commentary/81402 (accessed: 20.04.2026).
13. UNODC. Afghanistan Opium Survey 2023. – Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime, 2023.
14. Walsh J.R. China and the new geopolitics of Central Asia // Asian Survey. – 1993. – Vol. 33, no. 3. – P. 272–284.
15. Tsentr evroaziatskikh issledovanii MGIMO. Analiticheskii doklad o pogranichnykh konfliktakh v Tsentral’noi Azii [Analytical Report on Border Conflicts in Central Asia]. – Moscow: MGIMO University, 2024.